

УДК 930.2

Т. И. Леонченко

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (152) 730 392, leon.t91@mail.ru

ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКОЙ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена одной из актуальных проблем в современной методологии истории — предмету исторической науки. Автором проанализирована трактовка данного вопроса в российской позитивистской историографии. Цель исследования: представить общую постановку предмета истории в работах ведущих теоретиков «первого» позитивизма в России.

В основной части охарактеризованы представления российских учёных о конкретных задачах исторической науки, обозначено её место в системе научного знания. Показано, что отличало подходы исследователей к постановке и решению данной проблемы от установок классического позитивизма. Представлен взгляд учёных на природу закономерностей, действующих в истории, и то, какая наука должна заниматься их поиском и изучением. Выявлено, какое значение учёные придавали исследованию действия различных факторов в истории. Сделан вывод о том, что в истории учёные видели науку о конкретном прошлом, имеющую своим предметом индивидуальные события и явления. В то же время российские историки отстаивали научный статус истории как науки наряду с социологией, благодаря чему внесли значительный вклад в развитие теории и методологии истории.

Ключевые слова: предмет исторической науки; позитивизм; теория исторического процесса; историческая закономерность; многофакторный анализ.

Библиогр.: 11 назв.

T. I. Leonchenko

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5, Oktyabrskaya str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 73 03 92, leon.t91@mail.ru

THE SUBJECT OF HISTORICAL SCIENCE IN INTERPRETATION OF RUSSIAN POSITIVIST HISTORIOGRAPHY

The article deals with one of the most urgent issues of modern methodology of history — the subject of historical science. The author analyzes the interpretation of this issue in Russian positivist historiography. The goal of the present research is to provide an overview of the subject of history in the works of outstanding representatives of the “first” positivism in Russia.

The points of view of Russian scientists on the specific tasks of history, its place in the system of scientific knowledge are represented. The difference between two approaches — classical positivism and the researchers' of this issue — are revealed. The scientific idea on the nature of historical consistent patterns is described.

It is concluded that scientists considered history to be a branch of knowledge dealing with certain past and having separate events and phenomena as a subject. Russian historians did their best to defend the scientific status of history as a branch of science along with sociology, thus they contributed a lot to the development of the theory and methodology of history.

Key words: the subject of historical science; positivism; the theory of the historical process; the historical regularity; multifactorial analysis.

Ref.: 11 titles.

Введение. Проблема предмета истории как науки является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. В различных методологических направлениях и научных школах данная проблема трактуется по-разному (от утверждения, что история — наука сугубо об индивидуальном, до признания её наукой о законах). Многие учёные, размышлявшие о природе истории, давали собственное определение её предмета. В итоге в конце XX века был поставлен вопрос: имеет ли вообще история свой предмет исследования или он «растворяется» в предметах социальных наук?

Сегодня особо актуальным представляется переосмысление теоретико-методологического опыта, накопленного мыслителями прошлого. Отметим, что вопросы теории и методологии истории стали

активно разрабатываться с последней трети XIX века. Этот процесс в одинаковой степени охватил как страны Европы, так и Россию. Именно в это время происходили глубокие изменения во взглядах на предмет исторического изучения, природу истории как науки и её место в системе научного знания. Определённый вклад в исследование данных проблем внесли российские учёные, основная часть которых придерживалась традиций позитивистской философии в науке.

Позитивизм в России, как и в Европе, прошёл в своём развитии два этапа: от «первого» (классического) позитивизма до «второго» (критического). Научная мысль российской историографии «первого» позитивизма (1860 — середина 1890-х годов) вызывает особый интерес, поскольку формировалась она вполне самостоятельно. По авторитетному утверждению Н. И. Кареева, русская литература была одной из первых, где социологическая мысль пустила прочные корни [1, с. 28].

Предметом данного исследования является трактовка предмета истории как науки в трудах ведущих представителей российской позитивистской историографии рассматриваемого периода. Отметим, что в историографическом ключе данная проблема ранее специально не ставилась, хотя некоторые её вопросы затрагивались в более общих работах или трудах, посвящённых творчеству отдельных учёных. Ведущими авторами, изучающими развитие, проблемы и теоретико-методологические идеи российской историографии второй половины XIX — начала XX века, стали А. В. Малинов, Б. Г. Могильницкий, Г. П. Мягков, А. Н. Нечухрин, Т. И. Сидненко, П. С. Шкуринов и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Позитивистское течение в отечественной историографии рассматриваемого периода было представлено такими наиболее крупными исследователями, как В. О. Ключевский, П. Н. Милоков, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и др. Свой вклад в становление социологической мысли в России внесли также мыслители старшего поколения К. Д. Кавелин и В. В. Лесевич. Однако наибольшее влияние на вышеперечисленных историков оказала рождённая в недрах позитивизма «субъективная школа в социологии» (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), идеологи которой одними из первых вступили на путь корректировки позитивистской модели исторического познания.

Отечественных историков привлекали в позитивистской концепции идеи об исторической эволюции человеческого общества, о его прогрессе, о закономерностях общественного развития. Широкое признание получила идея существования различных факторов, равноценных в своём влиянии на развитие общества, а также идея возможности объективного познания этого развития посредством применения методов естественных наук.

Предмет изучения какой-либо науки в позитивизме был тесно связан с её местом в классификации наук. Основная масса историков того времени принимала во внимание контовскую классификацию, которая предполагала деление наук на абстрактные, общие (изучающие законы определённых групп явлений) и конкретные, описательные (применяющие эти законы к различным существующим предметам). На вершине иерархии абстрактных наук, по мнению О. Конта, должна была находиться социология — наука, в задачу которой ставилось познание механизма развития общества. В отличие от неоконтианцев, позитивисты не противопоставляли жёстко науки описательные и обобщающие, а рассматривали эти группы как взаимодополняемые.

Собственно, в истории последователи О. Конта видели науку конкретную, изучающую индивидуальные события, явления и ситуации во всей исторической реальности. Социология же занимала второй уровень осмысления истории, становилась своего рода теорией исторического процесса, так как должна была выявить в нём закономерности и тенденции, показать общие схемы и структуры. Таким образом, историческая наука, изучая уникальные факты и описывая особенное и неповторимое, должна была накапливать и предоставлять материал для науки об обществе.

В целом, взгляд на приведённую выше классификацию наук и место в ней истории был общераспространённым среди российских исследователей. Так, И. В. Лучицкий задачу историка видел в «исследовании конкретных фактов, отдельных видов или подвидов, разновидностей, явлений общественной жизни и общественного развития», а социолога — в «открытии законов всех видов социальной деятельности и главным образом человеческого развития» [2, с. 18]. Историк должен, по мнению исследователя, показывать, как выведенные социологией общие законы действуют в определённой среде [2, с. 19]. Немного иначе на взаимодействие конкретных общественных наук с социологией

смотрел М. М. Ковалевский. Учёный считал, что конкретные науки об обществе «призваны, с одной стороны, поставлять социологии материал для её обобщений, а с другой — отправляться от установленных социологией законов при раскрытии собственных» [3, с. 56]. Н. И. Кареев также в задачу истории ставил исследование единичного и неповторяющегося: историю «интересует всё индивидуальное — личность, народ, событие, процесс, — отмеченное собственным именем, топографическим и хронологическим указанием» [4, с. 9]. Как и М. М. Ковалевский, он подчёркивал, что историческая наука должна подготавливать материал для социологии.

К определённым позитивистским установкам некоторые отечественные учёные подходили с иных позиций. Например, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и другие исследователи в качестве основной науки, изучающей законы развития общества, наряду с социологией выделяли психологию, в которой О. Конт отрицал всякое научное значение [5, с. 426]. Это было связано, на наш взгляд, как с достижениями в области самой психологии, так и с влиянием субъективной школы в социологии. Собственно, контовская терминология разделения наук, по мнению Н. И. Кареева, также содержала в себе поводы для некоторых недоразумений. Поэтому русский учёный заменил её своей, более упорядоченной, терминологией: науки об общих законах были названы им «номологическими», а науки об определённых явлениях и феноменах — «феноменологическими» [4, с. 5].

Среди прочих учёных необходимо выделить позицию ещё одного оригинального историка — В. О. Ключевского, единственного представителя в позитивизме, в чьей концепции социология не противопоставлялась истории, а, наоборот, в неё включалась. Учёный В. О. Ключевский выделял две области исторического знания (историю цивилизации и историческую социологию), с которыми связывал задачи исследования и общего в историческом процессе, и особенного [6, с. 35]. Хотя указанные области имели свой предмет изучения, они выступали как взаимодополняемые и в тесной связи между собой образовывали историческую науку.

В целом, российские историки-позитивисты сходились в главном: и историческая наука, и социология имеют своей целью познание общественной жизни. Поскольку это знание должно быть объективным, то историкам следует изучать факты, используя научные методы. Следуя данной установке, отечественные учёные в скором времени разочаровались в соблюдении строгого фактографизма. Классический позитивизм требовал уделять основное внимание исследованию явления как такового, обстоятельств, при которых оно возникло, но не причин, обусловивших его возникновение. Ведущие русские теоретики признавали описательный характер исторической науки, но в простом фиксировании фактов увидели угрозу научному статусу истории, поскольку при таком подходе терялась целостность предмета исследования. Во многом это было связано с тем, что представители позитивизма в России сочетали разработку теоретико-методологических проблем общественных наук с конкретно-историческими исследованиями. Однако всё же достигнутые результаты ранних исторических работ некоторых учёных могли быть значительно выше, если бы не влияние позитивистского понимания предмета и задач исторической науки. Достаточно здесь вспомнить исследование И. В. Лучицкого по истории гугенотских войн во Франции, в котором учёному не удалось создать в полной мере цельную картину этого явления [7, с. 173].

Таким образом, российские историки хоть и видели в истории науку об индивидуальном, всё же считали необходимым выявление причинно-следственных связей событий прошлого, допускали возможность широких обобщений в нашей науке, которые, однако, не имели ничего общего с законами социологии. Так, М. М. Ковалевский писал: «Задачей истории является изображение в прагматической связи хода событий, из которых слагается жизнь наций или всего человечества. Каждое событие обуславливается, разумеется, массой причин и в свою очередь входит в сеть причин, вызывающих собою новые события. Только с этой стороны, со стороны изучения причинной связи явлений, история представляет нечто общее с социологией» [3, с. 39]. По Н. И. Карееву, история как наука устанавливает связи между отдельными конкретными фактами, как и другие науки, т. е. применяет идею каузальной (причинной) закономерности [4, с. 13]. Таким образом, учёный не сводит задачи истории к полной индивидуализации явлений. Напротив, он подчёркивает, что обобщения историков могут быть полезны, но необходимо помнить, что составленные ими формулы являются не законами истории, а только эмпирическими обобщениями, которые могут быть использованы социологией [4, с. 23].

Такая постановка задач истории и социологии говорит о том, что позитивисты не сомневались в самой идее о законосообразном развитии исторического процесса. Они воспринимали её как исходное положение, не требующее доказательств, поскольку в природе всё закономерно, а общество, как продукт эволюции, имеет органическую сущность и развивается по своим внутренним законам. Неодинаковым был, однако, взгляд учёных на природу этих законов. В существование исторической по своей природе закономерности верили И. В. Лучицкий, В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов. В свою очередь Н. И. Кареев исторические законы относил к области химер и считал, что законосообразность, действующая в истории, социологическая и психологическая по своему характеру [4, с. 11], за что был подвергнут критике со стороны коллег. В данном вопросе Н. И. Кареев принципиально разошёлся с В. О. Ключевским, который как раз акцентировал внимание на том, что «исторические законы не психологические, не физиологические, не физические или социологические», а законы сложения всех этих сил [8, с. 84]. Так или иначе, учёные считали, что познание общих законов развития общества возможно, но надежду в этом деле они возлагали на социологию, а не на историческую науку. «Социология, — писал М. М. Ковалевский, — раскрывает причины порядка и движения человеческих обществ» [3, с. 40]. Однако и здесь были свои исключения. Напомним, что В. О. Ключевский не выделял историческую социологию как самостоятельную дисциплину, а потому открытие законов возлагал на историческую науку.

Поскольку позитивистская историография, в целом, отрицала возможность истории как науки выявлять закономерное в своём предмете, то и вопрос изучаемого исторического времени решался ею однозначно: история изучает конкретное прошлое, вплоть до настоящего момента. Следовательно, функцию прогнозирования будущего историческая наука не выполняет, но она помогает человеку понять настоящее. История, «изучая прошедшее, не ставит себе задачи пророчествовать о грядущем», — писал Н. И. Кареев [9, с. 69].

Фактически в позитивистской концепции предметом исторической науки являлась вся совокупность жизни общества на протяжении всего исторического процесса, как один раз данного и неповторимого. Сама же теория исторического процесса становилась динамической частью социологии. Рассматриваемые учёные, работая в сфере конкретных исторических исследований, стремились подготовить материал для социологических обобщений, в результате чего плодотворно совмещали работу историка и социолога. В этой связи можно полностью согласиться с выдвинутым Г. П. Мягковым положением о том, что Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, И. В. Лучицкий были историками в целях социологии [10, с. 126]. Однако многих отечественных исследователей не привлекала мысль возможной в будущем замены исторической науки социологией, поэтому большое внимание они уделяли идее сближения истории с естествознанием, разрабатывали объективный метод в исследовании прошлого, не отвергая наличие определённого субъективного элемента.

В позитивистской историографии существенно изменилось отношение к содержательной части предмета исторической науки. Задача расширения сферы исторических исследований была решена благодаря, во-первых, установке на целостный (многофакторный) анализ общественной жизни, т. е. изучение не только политической сферы жизни людей, но и экономических, юридических, культурно-нравственных и даже природных процессов, влияющих на развитие общества. Особенно тщательное внимание позитивисты уделяли экономическим отношениям. Наиболее ярко это проявилось в творчестве М. М. Ковалевского. Во-вторых, предметом истории стали не только отдельные личности, но и деятельность масс и социальных групп. «История призвана рассказывать биографию не только человека, но и человечества», — писал П. Г. Виноградов [11, с. 88].

Обе эти позитивистские установки были положительно оценены марксистской историографией. В то же время советские материалисты осуждали то, что не все российские учёные строго им следовали. Позитивисты в России большое внимание уделяли антропологическому фактору, что сказалось на их теоретических представлениях о роли личности и её свободы в истории. Стремление сочетать идею существования объективных законов развития общества с психосоциальной деятельностью иногда приводило к противоречиям в суждениях учёных. Например, П. Г. Виноградов в более поздних работах стал всё чаще высказывать мысли о случайном характере исторических фактов и событий [11, с. 84]. В некоторых вариантах (как в случае с Н. И. Кареевым) это стремление дало существенные результаты в разработке проблемы случайного и необходимого в развитии общества.

В целом, исторический процесс в построениях отечественных исследователей не был безличным, сознательная деятельность человека выступала как определяющий фактор прогресса внутри организованного общества. Тем не менее история в своих общечеловеческих масштабах, по мнению позитивистов, не была лишена объективной логики, взаимодействие всех факторов и исторических сил в итоге придавало ей поступательное, внутренне обусловленное движение.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что отечественные историки ценили такие установки классического позитивизма, как признание причинно-следственных связей, определяющих закономерное движение хода истории; генетический принцип исследования индивидуальных событий; включение в научный интерес «биографии масс». В то же время они подвергли критике чрезмерный объективизм О. Конта, фактографизм в историческом исследовании и отказались от жёсткого детерминизма экономического фактора. Допуская наличие субъективного элемента как на уровне исторической действительности, так и на уровне её познания, российские мыслители представили предмет исторической науки гораздо более сложным по своей природе, требующим скрупулёзного изучения и особого к себе отношения.

Тесное взаимодействие и сотрудничество истории и социологии привело к постановке требования достижения синтеза теоретического и конкретно-исторического подходов в изучении исторического прошлого. Более того, российские позитивисты успехи социологии, её прогресс напрямую связывали с достижениями в развитии самой исторической науки. В системе историко-теоретических взглядов И. В. Лучицкого, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова мы находим решительное утверждение научной и общественной значимости исторического познания. В работах рассматриваемых мыслителей чётко обозначено, что предмет исторического изучения строго различается в научном знании, он вполне самостоятелен и не растворяется в предметах других наук.

Таким образом, российская историография второй половины XIX в., эксплуатируя одни постулаты "первого" позитивизма и отвергая другие, внесла значительный вклад в разработку методологии и теории истории. Позитивизм на российской почве приобрёл в некоторой степени новое звучание и свои особенности, в том числе и в трактовке рассматриваемой проблемы. Однако необходимо признать и то, что существенные ограничения позитивистской интерпретации предмета истории не позволяли учёным верно представить всю полноту познавательных возможностей историка.

Список цитируемых источников

1. Кареев, Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 368 с.
2. Лучицкий, И. В. Отношение истории к науке об обществе / И. В. Лучицкий // Знание. — 1875. — № 1. — С. 1—43.
3. Ковалевский, М. М. Сочинения : в 2 т. / М. М. Ковалевский ; под ред. А. О. Бороноева. — СПб. : Алетей, 1997. — Т. I. Социология. — 288 с.
4. Кареев, Н. И. Основные вопросы философии истории: обе части в одном томе. Третье издание / Н. И. Кареев. — СПб. : М. М. Стасюлевич, 1897. — 457 с.
5. Герье, В. И. О. Конт и его значение в исторической науке / В. И. Герье // Вопр. философии и психологии. — 1898. — Год IX. — Кн. 43 (III). — С. 406-461.
6. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина ; послесл. В. А. Александрова. — М. : Мысль, 1987. — Т. I. Курс русской истории. — Ч. 1. — 430, [1] с.
7. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. — 408 с.
8. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина ; послесл. Р. А. Киреевой. — М. : Мысль, 1989. — Т. VI. Специальные курсы. — 476 с.
9. Кареев, Н. И. Историка : Теория исторического знания : Из лекций по общей теории истории / Н. И. Кареев. — СПб. : М. М. Стасюлевич, 1913. — 319 с.
10. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. — 298 с.
11. Виноградов, П. Г. Избранные труды / П. Г. Виноградов ; сост. А. В. Антошенко. — М. : Рос. полит. энцикл., 2010. — 632 с.

Поступила в редакцию 23.09.2016.